

Беседа не окончена

О судьбе Камерного театра

Вот уже двадцать четвертый год существует в Москве Камерный театр. Была у этого театра когда-то буйная молодость. Его основатели в своих декларациях и в спектаклях долго и упорно что-то утверждали, отрывали, искали новых путей в искусстве. Это было время модернистских и эстетских увлечений. Людям, создававшим Камерный театр, казалось, что опознать как протест против ругинерства и косного академизма в спеническом искусстве предреволюционных лет.

С тех пор прошло много времени. И когда наступило возмужание, когда накопился опыт, у театра начали возникать сомнения в истинности избранного им пути. Сомнения рождали новые поиски, новые решения. «Неореализм» сначала был заменен «конкретным реализмом», «конкретный реализм» — «структурным», «структурный» — «динамическим» и т. д. Так продолжалась непрерывная и крикливая игра в термины.

Появилась советская пьеса, современная тема. Камерный театр начал декларативно отказываться от своих эстетских убеждений и приобщаться к общему стилю советского театра, в котором утверждалось правдивое, реалистическое искусство.

Камерный театр искал свое место в общем ряду советских театров. Мы не станем подтверждать сомнению искренность этих поисков. Напомним только, что они кончались подчас весьма серьезными политическими и художественными провалами. Об этом много говорилось и писалось. Не об этом сейчас речь. Нас тревожат сегодняшний и завтрашний дни Камерного театра, то «распутие», на котором он сейчас опять очутился.

Внешне все обстоит как будто благополучно. Прочтите на днях опубликованную беседу с художественным руководителем театра А. Я. Таировым. В ней сказаны все обычные фразы: «Сезон имеет для жизни нашего театра чрезвычайно важное значение», «за последние два года в Камерном театре шла большая перестройка»; у театра много советских пьес, он привлёк новых драматургов; и как всегда — длинный перечень авторов, пишущих для театра; здесь К. Тренев, Вс. Вишневский, Леонид Соболев, Л. Никитин, Борис Левин, Георгий Мдивани, братья Тур и Шейнин, Жаткин, Шейнцер, Бобунов. Все эти драматурги, по мнению А. Я. Таирова, призваны «разрешить чрезвычайно трудную и ответственную задачу создания высококачественного в художественном и идейном отношении репертуара, отражающего индивидуальность Камерного театра и дающего новые стимулы к его дальнейшему развитию и росту».

Беседа кончается более или менее вдохновенно: «Предыдущие сезоны создали серьезный перелом в жизни Камерного театра. Мы стремимся к тому, чтобы текущий сезон стал сезоном его подъема».

План составлен, пожелания и надежды высказаны, снова дана декларация по известному шаблону А. Я. Таирова.

Но разве все обстоит так благополучно, ясно и спокойно в Камерном театре?

Не кажется ли А. Я. Таирову, что такие декларативные интервью, где расставлены все точки, где соблюдены все пропорции, где нет и тени беспокойства, смерти подобны для искусства? Хочется сказать художественному руководителю Камерного театра:

— Слова ваши напечатаны, но беседа не закончена, ее нужно продолжить, нужно о многом еще договориться.

В этой беседе не сказано главное — как дальше жить Камерному театру, как работать его актерам, каковы его творческие убеждения.

На одном из производственных совещаний в Камерном театре не так давно говорилось, что вести дальше театр по тому пути, по которому он шел, нельзя, что все ошибки театра были не случайны и что нужно начинать жить по-новому.

И теперь уместно задать вопрос: что знает труппа театра о его художественной программе, рассказал ли А. Я. Таиров актерам о своих замыслах, чаяниях, устремлениях? Обо всем этом в труппе ничего не знают. Актеры либо заняты в очередных репетициях, либо ждут их. Все думают по-разному... Ждут ролей, чтобы играть, действовать, работать.

От старых своих лозунгов — «неореализма», «структурного», «конкретного»,

«динамического» реализма — театр давно уже отказался. А. Я. Таиров говорит о том, что Камерный театр подошел к социалистическому реализму. Кто всерьез примет такое заявление?

Но в конце концов дело не в декларациях. Может быть самая практика театра, его спектакли, его репертуар дадут нам представление о художественном своеобразии театра? Вот перед нами афиша Камерного театра. Мы находим здесь «Адриенну Лекуврер», этот нарядный и стилизованный спектакль, еще сохранившийся от старого Камерного театра, «Любовь под вилами», «Думу о Британке» с ее суетой, шумом, криком, и «Очную ставку», постановка которой почти ничем не отличается от подобных спектаклей в любом периферийном театре.

Выцветшие, одряхлевшие спектакли старого Камерного театра чередуются с малооригинальными, ремесленными постановками последних лет.

И как должны актеры играть в таких спектаклях? Сегодня в «Любви под вилами», сообразуясь со стилем постановки, актер должен ритмически двигаться, а завтра он должен безудержно метаться и кричать в «Думе о Британке». Некоторые старые актеры Камерного театра, когда они готовили «Очную ставку», были в растерянности и в смущении — что это за спектакль? Вдруг стало все иначе, чем их учили всю жизнь. Ходи просто, не кричи, играй по-актерски, показывай, на что ты способен, «неси текст» на публику... Трудно быть актером Камерного театра!..

Весной 1938 года в беседе с комиссией, обследовавшей Камерный театр по поручению Комитета по делам искусств, А. Я. Таиров говорил о том, что Камерный театр должен быть театром героического репертуара. Таиров говорил, что его театр будет утверждать истинный героизм и неспровергать лжегероику... В своей работе, — продолжал А. Таиров, — я склонен исходить из щепкинского учения, конечно, не минуя всего того, что внес в чем обогатил щепкинскую теорию Станиславский. И дальше: Индивидуальное лицо Камерного театра будет заключаться в том, что он постарается найти раньше систему реализма, социалистического реализма в плане героики. В этом трудность его пути, в этом интерес его пути и в этом индивидуальность его пути.

Все это опять-таки хорошие слова. Но чтобы по-настоящему осуществить их, надо прежде всего обратиться к основному, что составляет и что создает театр, т. е. к актеру.

А между тем актер в Камерном театре и по сей день занимает то положение, о

котором некогда писал А. Я. Таиров в своих «Записках режиссера». «Актер — это не Страдивариус, а трехструнная балалайка, на которой с грехом пополам можно еще сыграть «Чижика» или подобный ему жизненный мотив, но который оказывается совершенно несостоятельной для передачи иных, более сложных звуков».

Актер в декадентско-эстетском театре был низведен до положения «трехструнной балалайки». По-иному, по крайней мере на словах, относятся к актеру в Камерном театре. Но тем не менее и сейчас положение актера в этом театре не благоприятствует его развитию и совершенствованию. Актеру здесь неуютно, холодно. К нему относятся безразлично. В репетиционной работе он часто предоставлен самому себе. Ему объясняют экзотичность спектакля, рассказывают о месте действия, об эпохе, в которой происходит это действие, а в остальном он одинок. После него нет режиссера-педагога, режиссера-друга и помощника. И нет огни в творчестве актера. Примерно в таких словах охарактеризовал положение актера в Камерном театре М. И. Жаров.

Нет огни — нет и вдохновения! И не потому ли такие актеры, как Аркадий или тот же Жаров, вынуждены были уйти из театра? А разве можно признать нормальным то положение, в котором очутилась А. Г. Коопен? Чем обогатилось за последние годы ее творчество, какие она сыграла роли? Клеопатру в спектакле-монтиже «Египетские ночи» и комиссара в «Оптимистической трагедии»... Разве это все, что может дать замечательная актриса А. Коопен советскому зрителю? Что уж говорить о других актерах Камерного театра. И сейчас в труппе Камерного театра есть способные и талантливые актеры, но подавляющее большинство их известно зрителю не по Камерному театру. Не воспитал Камерный театр за многие годы своего существования и своей режиссуры.

И, наконец, последний вопрос — о репертуаре театра. А. Я. Таиров называл более десятка драматургов, которые пишут для его театра. Количественно это может произвести впечатление. Но А. Я. Таиров не сказал главного: что любит он, чьи пьесы ему дороги, чего он хочет.

Старый Камерный театр со всеми его ошибками умер. Неверно предполагать, как это думалось еще год тому назад А. Я. Таирову, что к 25-летию Камерного театра его надо поставить в то положение, в котором он находился до «Богатырей». Говорить об этом по меньшей мере смешно! Если А. Я. Таиров не поймет, что без художественных убеждений невозможно жить в искусстве, то Камерный театр никогда не выберется из того распутия, на котором он снова находится.

Надо создавать театр истинных чувств, художественной правды, театр, в котором актеру не будет холодно, театр, в котором будут свои драматурги, — театр советский, социалистический.